

УДК 159.923

DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-4-14

**ДЕТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПАНДЕМИЮ COVID-19:
ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Л. Э. Семенова¹, В. Э. Семенова², И. А. Конева³, Н. В. Карпушкина³

*¹Приволжский исследовательский медицинский университет,
Нижний Новгород, Российская Федерация*

*²Нижегородский институт развития образования,
Нижний Новгород, Российская Федерация*

*³Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. В данной статье представлены результаты реализованного в 2020 году исследовательского проекта «Детский взгляд на пандемию COVID-19». По оценкам многих специалистов, пандемия COVID-19 привела к негативным последствиям для физического (соматического) и псих(олог)ического здоровья населения. В работах зарубежных и отечественных авторов констатируются факты ряда негативных психологических эффектов эмоционального, ментального и поведенческого характера. Однако на фоне имеющихся исследований обнаруживается существенный пробел, который касается детской версии восприятия ситуации пандемии, вынужденной изоляции и, прежде всего, ее гендерной специфики применительно к этапу раннего онтогенеза – старшему дошкольному и младшему школьному возрасту.

Материалы и методы. Для сбора фактических данных использовалась проективная вербальная методика сочинения истории на тему «Сказка о коронавирусе». Всего было собрано 138 историй (68 из них сочинили девочки и 70 – мальчики), содержательный анализ которых осуществлялся посредством процедуры открытого кодирования. Сравнительный гендерный анализ текстов историй проводился по семи основным категориям: «характеристики коронавируса», «происхождение коронавируса», «актуальные (фрустрированные) потребности», «ресурсы преодоления трудностей», «эмоции», «ключевые события» и «пол персонажей».

Результаты исследования. Получены данные, которые продемонстрировали преимущественно негативный характер представлений детей о коронавирусе, ярко выраженный у большинства из них дискомфорт, вызванный фрустрацией потребностей в безопасности, свободе, положительных эмоциях и социальных контактах, доминирование в основном тревожного эмоционального фона восприятия ситуации пандемии с преобладанием чувства страха, а также особый акцент на таких ресурсах преодоления трудностей, как соблюдение мер профилактики и правил гигиены, медицинская помощь и ограничение активности. Вместе с тем обнаружена гендерная специфика детских представлений о пандемии COVID-19, которая заключается в более выраженной ориентации

на лиц своего пола, подчеркивании собственной роли в решении проблемы и центрированности на активном сопротивлении угрозе у мальчиков и центрированности на эмоциональной стороне событий, подчеркивании роли других и ожидании спасения извне у девочек.

Обсуждение и заключения. По результатам исследования сделан вывод о том, что в содержании представлений о пандемии COVID-19 и самоизоляции девочек и мальчиков старшего дошкольного и младшего школьного возраста наряду с общими тенденциями имеет место гендерная специфика, в которой находят свое отражение результаты преобладающей на этапах раннего онтогенеза дифференцированной гендерной социализации, основанной на традиции гендерной поляризации.

Ключевые слова: пандемия коронавирусной инфекции, самоизоляция, субъективное восприятие, представления, девочки, мальчики, старшие дошкольники, младшие школьники, гендерная социализация.

Благодарность: авторы выражают благодарность всем участникам исследования, а также тем, кто принимал участие в сборе эмпирических данных в трудные дни пандемии, в том числе студентам ПИМУ и Мининского университета. Особая благодарность МБДОУ «Детский сад №67» Нижнего Новгорода.

Для цитирования: Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Конева И.А., Карпушкина Н.В. Детский взгляд на пандемию COVID-19: гендерная специфика представлений старших дошкольников и младших школьников // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №4. С.14.

CHILDREN'S VISION OF THE COVID-19 PANDEMIC: GENDER-SPECIFIC VIEWS OF OLDER PRESCHOOLERS AND YOUNGER SCHOOLCHILDREN

L. E. Semenova¹, V. E. Semenova², I. A. Koneva³, N. V. Karpushkina³

¹Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation

*³Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. This article presents the results of the research project "Children's Vision of the COVID-19 pandemic" implemented in 2020. According to many experts, the COVID-19 pandemic has led to negative consequences for the physical (somatic), psychic and psychological and the health of the population. The works of foreign and domestic authors state the facts of a number of negative psychological effects of an emotional, mental and behavioral nature. However, against the background of the available research, a significant gap is found, which concerns the children's version of the perception of the situation of the pandemic and forced isolation, and above all its gender specificity in relation to the stage of early ontogenesis – senior preschool and primary school age.

Materials and Methods. To collect the actual data, a projective verbal method of writing a story on the theme "The Tale of the Coronavirus" was used. In total, 138 stories were collected (68 of them were composed by girls and 70 by boys), the content analysis of which was carried out through the open coding procedure. Comparative gender analysis of the texts of the stories was conducted in seven main categories: "characteristics of the coronavirus", "origin of the coronavirus", "current (frustrated) needs", "resources for overcoming difficulties", "emotions", "key events" and "gender of the characters".

Results. The data obtained showed the predominantly negative nature of children's views of the coronavirus, pronounced discomfort in most of them caused by frustration of the needs for security, freedom, positive emotions and social contacts, the predominance of a mostly anxious emotional background of the perception of the pandemic situation with a predominance of fear, as well as a special emphasis on such resources for overcoming difficulties as compliance with preventive measures and hygiene rules, medical care and restriction of activity. At the same time, the gender specificity of children's ideas about the COVID-19 pandemic was found, which consists in a more pronounced orientation towards people of their own sex, emphasizing their own role in solving the problem and focusing on active resistance to the threat in boys and focusing on the emotional side of events, emphasizing the role of others and waiting for salvation from outside in girls.

Discussion and Conclusions. According to the results of the study, it is concluded that the content of ideas about the COVID-19 pandemic and self-isolation of girls and boys of senior preschool and primary school age, along with general trends, has a gender specificity, which reflects the results of differentiated gender socialization prevailing at the stages of early ontogenesis, based on the tradition of gender polarization.

Keywords: coronavirus pandemic, self-isolation, subjective perception, views, girls, boys, older preschoolers, younger schoolchildren, gender socialization.

Acknowledgements: The authors express their gratitude to all the participants of the study, as well as to those who participated in the collection of empirical data during the difficult days of the pandemic, including students of PRMU and Minin University. Special thanks to MBPEI «Kindergarten No.67» of Nizhny Novgorod.

For citation: Semenova L.E., Semenova V.E., Koneva I.A., Karpushkina N.V. Children's vision of the covid-19 pandemic: gender-specific views of older preschoolers and younger schoolchildren // Vestnik of Minin University. 2021. Vol. 9, no. 4. P.14.

Введение

Беды и несчастья сопровождали человечество на протяжении всей его истории. Иногда они имели локальный характер, иногда – масштабный, мировой. 2020 год стал как раз одним из тех, когда весь мир столкнулся с новой реальной угрозой и серьезным испытанием – пандемией COVID-19, которая привела к негативным последствиям не только для физического (соматического), но и псих(олог)ического здоровья населения. Об этом, в частности, убедительно свидетельствуют результаты как недавно проведенных исследований, так и исследований, выполненных ранее, посвященных изучению последствий

предыдущих эпидемий начала XXI века, где наряду с психологическими последствиями выявлены и различные факторы, поддерживающие или разрушающие псих(олог)ическое здоровье личности (так называемые факторы протекторы и факторы риска) [1; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 13; 17; 20; 23; 25; 26; 27; 28; 30; 34; 35; 36; 38 и др.]. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве своем участниками всех этих исследований становились преимущественно взрослые люди, реже – подростки, тогда как относительно детей дошкольного и младшего школьного возраста такого рода результаты практически отсутствуют, за исключением единичных работ [7; 16].

Данное исследование является логическим продолжением выполненного нами ранее в 2020 году. В нем мы частично восполняем обозначенный выше пробел и представляем результаты, которые объединили две актуальные на сегодняшний день проблемы, а именно: гендерной специфики личностного развития в период детства и особенностей восприятия детьми ситуации пандемии опасной для жизни инфекции и функционирования их психики в условиях самоизоляции.

Обзор литературы

О введение режима пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 ВОЗ объявила 11 марта 2020 года, а вслед за этим во многих странах, включая Россию, последовали жесткие социально-ограничительные меры в виде самоизоляции и карантина. По всему миру многие люди стали заложниками пролонгированного травматического и депривационного (ди)стресса, постоянной тревоги и страха за свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье своих близких, вызванных реальным риском заражения.

Уже с конца 2019 года и особенно с момента введения режима пандемии как в России, так и за рубежом начали появляться научные исследования влияния новой коронавирусной инфекции и самоизоляции на функционирование психики людей разных социальных групп, включая представителей ряда уязвимых групп (пожилых людей, беременных женщин, лиц с психическими расстройствами, мигрантов и др.), результаты которых соотносились с данными аналогичных исследований, посвященных психологическим последствиям прошлых пандемий.

Так, по оценкам специалистов, психологические аспекты проблемы пандемии коронавируса оказались весьма многообразны, а сделанные исследователями выводы были в целом неутешительными. В частности, среди наиболее типичных психологических реакций на ситуацию пандемии и вынужденной изоляции, как правило, констатировались следующие: эмоциональная нестабильность, чувство беспомощности, тревожные переживания, широкое распространение среди населения симптомов посттравматического стрессового расстройства, депрессивная симптоматика, дезадаптивное поведение при высоком уровне тревоги, утрата контроля, деструктивные стратегии совладания, изменение мышления в плане снижения критичности, увеличения категоричности и суеверия, повышение конформности и другие негативные психологические эффекты, названные «второй эпидемией», свидетельствующие об истощении психологических ресурсов личности [17; 19; 22; 24; 31; 32; 33; 37 и др.].

Более того, предприняты попытки анализа возможных последствий пандемии COVID-19 на нескольких социально-психологических уровнях, а именно: внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом и макропсихологическом, т.е. в масштабах всего

общества [10], по итогам которого были сформулированы некоторые прогнозы на ближайшее будущее, в том числе касающиеся трансформации ценностей, изменения поведения, социальных отношений, включая активизацию процессов стигматизации.

Иными словами, как показывают исследования, кризис, вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции, выходит далеко за пределы медицины и затрагивает многие социально-психологические аспекты. При этом в качестве основных психотравмирующих факторов в ситуации пандемии были определены опасность заражения, недоступность привычного образа жизни, ограничения свободы перемещений, неопределенность будущего, дефицит социальной поддержки, информационное освещение событий в СМИ и ряд других [2; 10; 29].

Однако подчеркнем, что психотравмирующий характер пандемии и ее психологических последствий касается, прежде всего, взрослых людей, тогда как изменения функционирования детской психики, к сожалению, остались практически не изученными. На наш взгляд, это может быть связано не только с трудоемкостью, но и с методическими ограничениями проведения такого рода исследований с участием детей, особенно дошкольников, в работе с которыми невозможно проведение массовых онлайн-опросов, а, как показывает анализ научных публикаций по проблеме психологических аспектов пандемии, именно этот метод оказался ведущим.

Имеются лишь отдельные сведения о тех сложностях, с которыми столкнулись дети-школьники в процессе принудительного перехода образования в дистанционный формат. В частности, среди этих сложностей, по мнению самих детей, отсутствие «живого» общения со сверстниками и учителями, трудности усвоения учебного материала, ограничения свободы передвижения, хотя вместе с тем отмечается наличие у многих детей интереса к новому формату обучения, позитивного настроения в целом и готовности жить в ситуации неопределенности [21].

К сказанному можно также добавить, что, согласно нашему предыдущему исследованию [16], у абсолютного большинства детей отсутствуют панические настроения и, напротив, присутствует уверенность в позитивном исходе событий пандемии, что подтверждает справедливость утверждения К.И. Чуковского о неисправимом детском оптимизме. Кроме того, по имеющимся у нас данным, версия детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста во многом перекликается с версией профессиональных психологов – участников исследования, выполненного Д.В. Ушаковым, А.В. Юревич и М.А. Юревич [19], за тем лишь отличием, что если эксперты часто указывали на отрицательные последствия пандемии и подчеркивали негативные изменения психологии россиян, то дети в основном отмечали необходимость позитивных перемен в поведении и отношениях людей и выражали надежду на их реальность в ближайшем будущем.

Более подробно результаты содержательного анализа детской версии ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции с учетом возрастной специфики были изложены в указанном выше исследовании [16]. Однако помимо возрастной нас также заинтересовала и гендерная специфика восприятия пандемии COVID-19 старшими дошкольниками и младшими школьниками, что и определило цель следующего этапа нашего исследования. К тому же заметим, что в доступной нам научной литературе мы не встретили данных относительно этой проблемы, что дает нам основание считать ее актуальной.

Материалы и методы

В качестве основной гипотезы исследования было сформулировано следующее предположение: в содержании представлений о пандемии и самоизоляции девочек и мальчиков старшего дошкольного и младшего школьного возраста наряду с общими тенденциями будет иметь место гендерная специфика, в которой находят свое отражение результаты преобладающей на этапах раннего онтогенеза дифференцированной гендерной социализации, основанной на традиции гендерной поляризации.

Общая гипотеза была конкретизирована рядом частных, а именно:

1. К числу общих содержательных аспектов представлений девочек и мальчиков будут относиться: преобладание негативных характеристик в образе коронавируса; рассуждения о социально одобряемых («правильных») и социально осуждаемых («неправильных») действиях с критикой последних; упоминания об особой – спасительной роли врачей и значимости гигиенических, профилактических и медицинских мероприятий; заимствование доступной для понимания информации из СМИ.

2. Гендерная специфика детских представлений будет проявляться в разных акцентах восприятия и интерпретации ситуации пандемии и самоизоляции девочками и мальчиками, среди которых: более выраженная ориентация на лиц своего пола (гомосоциальность), подчеркивание собственной роли в решении проблемы, центрированность на активном сопротивлении, риске и физической активности с элементами авантюризма у мальчиков и центрированность на эмоциональной стороне событий, подчеркивание роли других и ожидание спасения извне у девочек.

Для сбора фактических данных в исследовании использовался вариант «Техники рассказывания историй» – проективная методика сочинения истории на тему «Сказка о коронавирусе». Поясним, что именно эту же методику мы использовали и на предыдущем этапе исследования. Однако к собранным ранее 114 историям нам удалось добрать еще 24. В итоге содержательному анализу были подвергнуты тексты 138 историй, из которых 68 сочинили девочки и 70 – мальчики. Соответственно и процедура обработки полученных данных была аналогична той, которая применялась нами ранее. В ее основе лежала методика открытого кодирования, предполагающая выделение в изучаемом тексте смысловых единиц с последующей их классификацией и количественным анализом [18]. Основные смысловые единицы (категории и подкатегории) выделялись группой экспертов из 5 человек, имеющих психологическое образование. Всего в ходе данного исследования содержательное изучение текстов осуществлялось с учетом семи основных категорий: «характеристики коронавируса», «происхождение коронавируса», «актуальные (фрустрированные) потребности», «ресурсы преодоления трудностей», «эмоции», «ключевые события» и «пол персонажей». Каждая из этих категорий была разделена на подкатегории, которые впоследствии подвергались процедуре количественного анализа, включая определение степени значимости гендерных различий с помощью критерия Фишера.

Результаты исследования

Обратимся к результатам содержательного анализа текстов сочиненных детьми историй по каждой из вышеобозначенных категорий.

Начнем с описываемых девочками и мальчиками характеристик основного героя повествования – коронавируса (таблица 1).

Таблица 1 – Образ коронавируса в представлениях девочек и мальчиков

Характеристики коронавируса	кол. / %		критерий Фишера
	девочки	мальчики	
фантастический персонаж	13 / 4,2	15 / 5,1	0,53
антропоморфный персонаж	18 / 5,8	13 / 4,4	0,77
вирус / микроб	22 / 7,1	24 / 8,1	0,47
внешний облик / строение	36 / 11,7	33 / 11,2	0,20
опасность / угроза жизни и здоровью	63 / 20,5	61 / 20,7	0,06
чувства	27 / 8,8	11 / 3,7	2,64 (p≤0,01)
статус и связи	15 / 4,9	25 / 8,5	1,79 (p≤0,05)
негативные функции и действия	93 / 30,2	101 / 34,3	1,07
позитивные функции и действия	21 / 6,8	12 / 4,0	1,53
итого	308	295	0,49

Table 1 – The image of the coronavirus in the views of girls and boys

Characteristics of the coronavirus	Quantity / %		Fischer's criterion
	girls	boys	
fantastic character	13 / 4,2	15 / 5,1	0,53
anthropomorphic character	18 / 5,8	13 / 4,4	0,77
virus / microbe	22 / 7,1	24 / 8,1	0,47
appearance / structure	36 / 11,7	33 / 11,2	0,20
danger / threat to life and health	63 / 20,5	61 / 20,7	0,06
feelings	27 / 8,8	11 / 3,7	2,64 (p≤0,01)
status and connections	15 / 4,9	25 / 8,5	1,79 (p≤0,05)
negative functions and actions	93 / 30,2	101 / 34,3	1,07
positive functions and actions	21 / 6,8	12 / 4,0	1,53
total	308	295	0,49

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в своих сказочных историях к описанию самого образа коронавируса девочки и мальчики обращались практически с одинаковой частотой, с минимальным перевесом в пользу девочек (соответственно, в общей сложности всего 308 и 295 характеристик). При этом, как можно видеть из таблицы 1, в образе главного героя и у девочек, и у мальчиков ярко преобладали негативные характеристики, среди которых упоминания о его опасности, угрозе для жизни и здоровья, а также ряд других «неправильных», а потому и осуждаемых детьми функций и действий (месть, коварство, агрессия, зловредность, злодеяния и т.п.): «Коронавирус вредный, он заражает других людей и больше ничем не занимается» (дев.); «... любит пугать людей» (дев.); «Жил-был злой и вредный вирус Ковидка. Он не любил людей, особенно не нравились ему дедушки и бабушки» (мал.); «... он вел себя очень плохо и стал убийцей. Он стал очень жестоким и злился на людей. Если он приживался, то человек очень сильно болел и мог умереть» (дев.); «Самое сильное оружие у него – прилипнуть к любым предметам, и он с этим оружием решил заразить весь мир. Вдруг он решил начать свой коварный план, который он обдумывал многие годы» (мал.); «... он уничтожает лёгкие и превращает их в гниль» (мал.); «Король-

вирус незаметно проникает в организм, а человек, даже, не знает об этом долгое время, а потом ему становится очень плохо» (мал.)¹.

Однако в то же время в описаниях коронавируса встречались и некоторые позитивные характеристики, к которым несколько чаще прибегали девочки. Как правило, в этих случаях, согласно детской версии, с коронавирусом происходили позитивные изменения, в результате чего из злого и коварного он превращался в доброго и заботливого, а также в отдельных историях ему приписывалась черта благородного и мудрого героя, который дает ценные советы и рекомендации, помогает предвидеть возможные негативные последствия от неразумных и деструктивных действий и учит избегать их: *«Тогда Коронавирус пришел к ученым и попросил сделать его полезным. Ученые спрятали его в холодильник, потом грели под лампочкой, потом обливали специальным раствором и распыляли на него всякие средства! И вот коронавирус стал добрым и полезным! Он больше не заражал людей, когда подходил к ним. А тех, кто заболел от него, он обнимал и вылечил их своими полезными веществами! И стал со всеми дружить!» (мал.); «... придумали прививку от болезни и всех вылечили, даже Коронавируса. А Коронавирус больше не хотел никого заражать, хотел, чтоб все были здоровые и веселые» (мал.); «Коронавирус пошел к доктору. Доктор надел ему специальную шапочку, и коронавирус стал добрым. Доктор дал ему много таких шапочек для других коронавирусов, потому что они не хотели больше обижать людей, и чтобы они плакали» (дев.); «Коронавирус хочет нам показать, что если мы перестанем мусорить, то его не будет» (мал.); «Он старался предупредить о том, что наша планета стала грязной, потому что люди неправильно себя вели, везде кидали мусор всякий. А надо было беречь планету, дружить и помогать друг другу. Вот о чем хотел сказать нам коронавирус» (дев.); «И тогда коронавирус попросил пообещать, что люди не будут больше ссориться и ругаться, а он не будет никого заражать» (дев.); «Подумал вирус и сказал: «Если ты мне пообещаешь заботиться о старших и любить планету, то я улечу в космос и никогда к вам не вернусь» (дев.) и т.п. Другими словами, через образ коронавируса и вызванную им опасную ситуацию эпидемии некоторые дети обращались к социально значимым нормам, формулируя нравственные и экологические ценностные ориентиры.*

Показательно, что, описывая главного героя, далеко не все дети называли его вирусом или микробом, демонстрируя свою медицинскую осведомленность. Нередко в текстах сказочных историй коронавирус представлял в образе фантастического существа (инопланетянина, микроскопического тролля, «монстра с красными глазами, тремя руками, четырьмя ногами», зеленого тумана, духа, скелетона), а также антропоморфного персонажа (мальчика, девочки, «черного мужчины с красными глазами», недружелюбного ученика). Причем все эти версии представлений о коронавирусе в равной степени встречались и у девочек, и у мальчиков.

То же самое можно сказать и об описании внешнего облика и строения главного героя, которое во многом зависело от самого образа коронавируса: фантастический, сконструированный посредством воображения или соответствующий реальности, заимствованный из СМИ, – к этим характеристикам девочки и мальчики также прибегали практически с одинаковой частотой: *«Он круглый, с длинными пупырышками, красный или розовый» (дев.); «Коронавирус, это круглый шарик, а еще у него есть шипы, для людей*

---

¹ Здесь и далее исправлена орфография, но сохранена авторская стилистика детских историй.

врединка, если вдохнешь» (дев.); *«невидимая слизь с бактериями»* (дев.); *«Его тело состояло из зеленого шара с глазками, ручками и ножками, а также на его голове была корона»* (мал.); *«похож на соплю с ворсинками»* (мал.) и др.

Что же касается гендерной специфики описаний коронавируса, то она наблюдалась только по двум характеристикам, а именно: «чувства», «статус и связи». Согласно полученным в исследовании данным, к первой из них статистически чаще обращались девочки ($\varphi=2,64$ при $p\leq 0,01$), а ко второй, напротив, мальчики ($\varphi=1,79$ при $p\leq 0,05$).

Так, в историях, сочиненных девочками, мы находим на порядок больше, чем в историях мальчиков, упоминаний о переживаниях главного героя: о его грусти по поводу своего одиночества из-за отсутствия друзей; о страхе за то, что он заражает и от него болеют люди; об обиде на тех, кто его обманул или не хочет с ним общаться; о радости в связи с достижением цели, реализацией планов (в том числе и коварных), исполнением желаний и т.п. В свою очередь в историях, сочиненных мальчиками, гораздо чаще встречались рассуждения о статусе коронавируса, его связях с другими персонажами, при этом, как правило, подчеркивались два совершенно противоположных статуса – изгоя, у которого нет друзей, и героя, обладающего властью над другими персонажами.

Полагаем, что и те, и другие статистически значимые гендерные различия можно рассматривать как следствие ориентации детей, и прежде всего мальчиков, на гендерные нормы своего пола (норма статуса и эмоциональной твердости) с их последующей проекцией на героя истории.

Если же говорить об имеющихся у девочек и мальчиков версиях относительно происхождения коронавируса, то в этом плане гендерные различия обнаружены не были (таблица 2). Более того, как девочки, так и мальчики касались этой темы крайне редко и в основном демонстрировали две полярных группы представлений, а именно: полностью сказочную (космическое, инопланетное происхождение; появление из волшебного мира) и приближенную к реальности, вероятно, заимствованную у взрослых и/или из СМИ (Китай и искусственное происхождение).

Таблица 2 – Представления девочек и мальчиков о происхождении коронавируса

Варианты происхождения	Кол. / %		критерий Фишера
	девочки	мальчики	
Китай	7 / 17,5	6 / 15,8	0,20
инопланетное происхождение / космос	3 / 7,5	9 / 23,7	2,03 (p≤0,05)
волшебный мир	13 / 32,5	8 / 21,1	1,14
искусственное происхождение	6 / 15,0	6 / 15,8	0,09
внезапное, неизвестное происхождение	3 / 7,5	5 / 13,1	0,82
как наказание за неправильное поведение	8 / 20,0	4 / 10,5	1,17
итого	40	38	0,21

Table 2 – Girls 'and boys' views of the origin of the coronavirus

Variants of origin	Quantity / %		Fischer's criterion
	girls	boys	
China	7 / 17,5	6 / 15,8	0,20
alien origin / space	3 / 7,5	9 / 23,7	2,03 (p≤0,05)
magic world	13 / 32,5	8 / 21,1	1,14
artificial origin	6 / 15,0	6 / 15,8	0,09
sudden, unknown origin	3 / 7,5	5 / 13,1	0,82
as a punishment for wrong behavior	8 / 20,0	4 / 10,5	1,17
total	40	38	0,21

Итак, в целом версий о происхождении коронавируса оказалось несколько. При этом, анализируя детские представления о происхождении коронавируса, мы обнаружили как сходство, так и некоторое различие мнений девочек и мальчиков на этот счет. В частности, согласно полученным данным, девочки чаще всего предлагали версию появления коронавируса из волшебного мира (32,5% упоминаний), тогда как мальчики склонялись к варианту его космического, инопланетного происхождения (23,7%) и соответственно вторжения на Землю (сюжет нашествия, нападения и захвата мира): «*В далеком-дальнем волшебном мире, в своем пещерном царстве жил злодей Коронавирус*» (дев.); «*Он пришел из-за леса, из-за тридцать земель*» (дев.); «*Когда-то давно на планету Земля пробрался злодей Коронавирус с другой планеты*» (мал.); «*Этот злобный вирус спал в глубокой пещере на далекой планете. А когда проснулся, полетел всех заражать. И добрался до нашей страны*» (мал.) и др. Как можно видеть из таблицы 2, именно по версии «космической, инопланетной Родины» коронавируса были зафиксированы статистически значимые гендерные различия ($\varphi=2,03$ при $p \leq 0,05$).

В то же время наряду с волшебным и космическим происхождением главного героя некоторые дети предлагали гораздо более реалистичную версию, указывая на конкретную страну – Китай, причем мальчики и девочки делали это примерно с одинаковой частотой, иногда объединяя фантазию и реальную информацию, заимствованную из новостей: «*В далекой-далекой стране Китай жил коронавирус, среди летучих мышей. Он считал себя королем, но ему было очень скучно*» (мал.); «*Однажды на свете появился опасный вирус, он пришел из Китая*» (дев.); «*В вирусном царстве, в китайском государстве родился коронавирус*» (дев.) и т.п.

Любопытно также, что в ряде случаев дети отмечали факт намеренного или случайного искусственного происхождения коронавируса, по сути, его создания, предлагая свои версии этого события: «*Давным-давно в одной лаборатории был придуман вирус. Он был такой сильный, что вырвался наружу и пошел гулять по земному свету*» (мал.); «*Жил-был один человек. Он был очень хорошим химиком. Но он умел создавать не всякие зелья, а вирусы. И однажды случился такой случай, что он почему-то создал коронавирус очень опасный*» (мал.); «*Ученые хотели придумать цветок необыкновенной красоты... А получился не цветок, а неизвестный никому вирус с короной*» (дев.); «*Проводили опасный опыт, запустили в воздух опасную штуку, что-то бабахнуло, и в этой стране начали заражаться люди*» (дев.). Не исключено, что некоторые из этих версий были заимствованы детьми из каких-то доступных им информационных источников или отражали точку зрения взрослых из их ближайшего окружения. При этом мнение об искусственном происхождении коронавируса в равной степени было характерно и для девочек, и для мальчиков.

Кроме того, встречались также и упоминания о внезапном или неизвестном происхождении этого героя: «*И вдруг налетела страшная туча, большая, огромная, черная. И случился коронавирус*» (мал.); «*Он сам откуда-то появился*» (мал.) и др. Полагаем, что подобную детскую версию, как и предыдущую, можно рассматривать в качестве разновидности информации, заимствованной из разговоров взрослых и/или из СМИ.

Наконец, еще один вариант происхождения коронавируса отражает мнение, согласно которому он является своего рода наказанием (расплатой) за определенное поведение, нарушение существующих норм и правил, т.е. прослеживается причинно-следственная связь между неправильным образом жизни и эпидемией: «*Коронавирус не любил, когда люди нарушают правила и плохо себя ведут. Поэтому он напал и мстил*» (мал.); «*Это был такой*

вирус, который всегда появлялся там, где не умеют дружить, где все ругаются и плохо себя ведут» (дев.); «Забыли люди, как жить нужно дружно, ссорились, не помогли никому, да еще воздух загрязнили и улицы всяким мусором и бензином, вот тогда коронавирус и ожил» (дев.) и др. Подчеркнем, что данная версия несколько чаще встречалась в историях девочек, хотя статистически значимых гендерных различий по ней мы не зафиксировали.

Далее перейдем к обсуждению результатов анализа присутствующих в текстах сказочных историй детей разного пола актуальных фрустрированных потребностей (таблица 3).

Таблица 3 – Гендерная специфика детской версии актуальных потребностей в условиях пандемии и самоизоляции

Виды потребностей	Кол. / %		критерий Фишера
	девочки	мальчики	
положительные эмоции / удовольствие	19 / 16,5	20 / 16,4	0,02
безопасность	25 / 21,7	20 / 16,4	1,04
свобода / двигательная активность	27 / 23,6	43 / 35,3	1,98 (p≤0,05)
социальные контакты / общение	19 / 16,5	17 / 13,9	0,56
учеба / труд	10 / 8,7	7 / 5,7	0,90
отдых (для врачей)	10 / 8,7	4 / 3,3	1,80 (p≤0,05)
принятие	4 / 3,5	7 / 5,7	0,82
финансы	1 / 0,8	4 / 3,3	1,43
итого	115	122	0,46

Table 3 – Gender specifics of the children's version of current needs in the context of the pandemic and self-isolation

Types of needs	Quantity / %		Fischer's criterion
	girls	boys	
positive emotions / pleasure	19 / 16,5	20 / 16,4	0,02
safety	25 / 21,7	20 / 16,4	1,04
freedom / motor activity	27 / 23,6	43 / 35,3	1,98 (p≤0,05)
social contacts / communication	19 / 16,5	17 / 13,9	0,56
study / work	10 / 8,7	7 / 5,7	0,90
recreation (for doctors)	10 / 8,7	4 / 3,3	1,80 (p≤0,05)
acceptance	4 / 3,5	7 / 5,7	0,82
finance	1 / 0,8	4 / 3,3	1,43
total	115	122	0,46

Как можно видеть из данных, представленных в таблице 3, при повествовании о ситуации пандемии коронавирусной инфекции девочки и мальчики делали акценты практически на одних и тех же потребностях, но степень выраженности некоторых из них оказалась различной. В этом плане, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что среди наиболее актуальных и фрустрированных в условиях пандемии и самоизоляции были названы потребности в свободе и активности (преимущественно двигательной), а также в безопасности, положительных эмоциях и общении, что является вполне закономерным. Ограничение социальных контактов, передвижения, изменение привычного образа жизни взрослых и детей, изобилие негативной информации о распространении инфекции – именно такой была реальность того периода, когда было создано большинство детских историй,

тексты которых отражают дискомфорт их авторов: «Нельзя было никуда ходить. Можно заболеть, и будет плохо» (мал.); «... все испугались и закрылись у себя в домах. ... Это было безопасное решение» (дев.); «Все люди переживают о том, что может заразиться их семья» (дев.); «Я хочу очень на улицу гулять со своим другом Димой и ходить в садик, играть в машинки и полицейских» (мал.); «Я хочу, чтоб коронавирус закончился, потому что хочу увидеть своих друзей» (мал.); «Мамы с папами перестали быть такими веселыми, уже не так радовали ужины вместе, все стали ходить злыми и угрюмыми. Детям нельзя было пойти погулять, а по выходным все больше не ели попкорн в кинотеатре. Дети стали сидеть за компьютерами, но только это им не доставляло удовольствие, они целыми днями учились, а не играли в компьютерные игры» (дев.) и др.

Однако вместе с тем по количеству упоминаний мы можем судить, что отдельные потребности имеют все же разную значимость для детей разного пола.

Так, у мальчиков по сравнению с девочками гораздо чаще встречались сожаления и возмущения о невозможности удовлетворения потребностей в свободе и двигательной активности ($\varphi=1,98$ при $p\leq 0,05$), численность которых к тому же существенно преобладала над всеми остальными: «Уже сильно надоело сидеть дома. Хочется бегать, на велосипеде кататься. Тяжело заниматься ничегонеделанием» (мал.); «Всем было тесно в квартире, но они терпели» (мал.); «Надо было поскорее прогнать коронавирус, чтобы все почувствовали свободу и могли делать, что хотели» (мал.) и др.

В свою очередь в историях девочек в отличие от историй, сочиненных мальчиками, мы находим на порядок больше рассуждений об усталости врачей и соответственно их потребности в отдыхе: «Врачам было очень тяжело, они работали каждый день» (дев.); «Совсем некогда было отдыхать врачам, а они так устали, что уже спать хотели» (дев.); «Надо было помогать врачам, чтоб скорее вылечить больных. И тогда они смогут отправиться домой и в отпуск» (дев.) и т.п. В этих и подобных высказываниях присутствует не просто констатация, а искреннее сочувствие, сопереживание врачам, активно включенным в борьбу с коронавирусом. На наш взгляд, этот факт является весьма показательным и, в частности, служит подтверждением наличия разных ориентиров в воспитании девочек и мальчиков, содержание которых определяется традиционными гендерными стереотипами. Известно, что в соответствии со стратегией дифференцированной гендерной социализации забота в отношении других, способность учитывать их потребности и интересы считаются прерогативой представительниц женского пола и поэтому нередко могут выступать в качестве воспитательных задач, реализуемых на практике преимущественно в отношении девочек. Заметим, что во многом похожие результаты применительно к старшему дошкольному и младшему школьному возрасту мы получали и ранее, в том числе при изучении содержания детских желаний [14].

Подчеркнем, что обычно, перечисляя неудовлетворенные потребности и связанные с ними трудности, многие дети также обозначали и те ресурсы, которые, по их мнению, позволяют справиться с возникшими трудностями и сложными ситуациями в условиях пандемии и самоизоляции (таблица 4).

Таблица 4 – Гендерная специфика детской версии основных ресурсов преодоления трудностей в условиях пандемии и самоизоляции

Ресурсы		Кол. / %		критерий Фишера
		девочки	мальчики	
правила гигиены и профилактика		46 / 25,6	44 / 25,7	0,02
ограничение контактов и активности		35 / 19,5	28 / 16,4	0,76
здоровый образ жизни		4 / 2,2	13 / 7,6	2,44 (p≤0,01)
медицина и врачи		53 / 29,4	37 / 21,6	1,68 (p≤0,05)
действия президента		3 / 1,6	3 / 1,7	0,07
взаимопомощь / доброта		21 / 11,7	19 / 11,1	0,18
бережное отношение к планете		4 / 2,2	2 / 1,2	0,73
отвлечение		2 / 1,1	9 / 5,3	2,39 (p≤0,01)
волшебство / киногерои		11 / 6,1	14 / 8,2	0,77
вера в Бога		1 / 0,6	2 / 1,2	0,61
итого		180	171	0,49
источник ресурсов	собственные действия и усилия	45 / 25	61 / 35,7	2,19 (p≤0,05)
	действия других, помощь извне	77 / 42,8	58 / 33,9	1,71 (p≤0,05)
	совместные действия и усилия	58 / 32,2	52 / 30,4	0,37

Table 4 – Gender-specific characteristics of the children's version of the main resources for overcoming difficulties in the context of a pandemic and self-isolation

Resources		Quantity / %		Fischer's criterion
		girls	boys	
hygiene rules and prevention		46 / 25,6	44 / 25,7	0,02
restricting contacts and activity		35 / 19,5	28 / 16,4	0,76
healthy lifestyle		4 / 2,2	13 / 7,6	2,44 (p≤0,01)
medicine and doctors		53 / 29,4	37 / 21,6	1,68 (p≤0,05)
actions of the president		3 / 1,6	3 / 1,7	0,07
mutual assistance / kindness		21 / 11,7	19 / 11,1	0,18
respect for the planet		4 / 2,2	2 / 1,2	0,73
distraction		2 / 1,1	9 / 5,3	2,39 (p≤0,01)
magic / movie heroes		11 / 6,1	14 / 8,2	0,77
faith in God		1 / 0,6	2 / 1,2	0,61
total		180	171	0,49
resource source	own actions and efforts	45 / 25	61 / 35,7	2,19 (p≤0,05)
	actions of others, help from outside	77 / 42,8	58 / 33,9	1,71 (p≤0,05)
	joint actions and efforts	58 / 32,2	52 / 30,4	0,37

Анализируя полученные результаты, мы убедились в том, что среди предлагаемых детьми ресурсов в большинстве случаев речь идет преимущественно о нескольких, а именно: действиях врачей и медицинской помощи, соблюдении правил гигиены и мер профилактики, ограничении социальных контактов и разных видов активности, а также на порядок реже –

о взаимопомощи, добром отношении и поддержке людьми друг друга: *«А врачи как настоящие герои начали искать антивирус. Прошло много дней, но лекарства все не было. Но отважные врачи не сдавались. Они не спали ночами, а только искали лекарство и еще лечили больных людей»* (дев.); *«А наказ был такой: оставаться дома; при выходе из дома защищать свое лицо маской и одевать на руки перчатки; часто мыть руки с мылом»* (мал.); *«Благодаря дружбе, любви, взаимовыручке, доброте дети создали радужную защиту»* (мал.).

В то же время в некоторых историях встречались такие ресурсы, как различного рода волшебство («лечебные лепестки и пыльца», «заколдованные маски с антиковидным воздухом», «стрелы здоровья») и действия, точнее, помощь некоторых персонажей (в основном киногероев), среди которых Шерлок Холмс, доктор Ватсон, Гарри Поттер, Айболит, доктор Пилюлькин. Полагаем, что, учитывая возраст участников нашего исследования, все эти ресурсы вполне предсказуемы. Наконец, в качестве единичных ответов наблюдались высказывания о решениях президента страны, вере в помощь Бога, позволяющие относить их к социальному контексту семейной среды развития этих детей.

Что же касается гендерной специфики, то, как можно видеть из таблицы 4, статистически значимые различия версий девочек и мальчиков были зафиксированы по трем категориям ресурсов: «здоровый образ жизни» и «отвлечения», о которых чаще упоминали мальчики ($\varphi=2,44$ при $p\leq 0,01$ и $\varphi=2,39$ при $p\leq 0,01$, соответственно), и «медицина, врачи», о которых чаще сообщали девочки ($\varphi=1,68$ при $p\leq 0,05$): *«И поняли, что победить его (ковид – прим. авторов) можно здоровьем крепким. Пошли на велосипедах кататься, бегать, прыгать, на турнике подтягиваться»* (мал.); *«Надо правильно питаться: овощами и фруктами. Еще нужно спортом заниматься, закаляться»* (мал.); *«В одном маленьком городе жила-была добрая доктор, она начала помогать всем: давала лекарства и маски»* (дев.).

Более того, если говорить о характере ресурсов в плане их источника (внутренний/внешний), то в целом у девочек и мальчиков они оказались совершенно разными. Так, если мальчики в основном выделяют ресурсы, связанные с собственными действиями и усилиями, т.е. делают акцент на внутренних ресурсах ($\varphi=2,19$ при $p\leq 0,05$), то девочки, напротив, отмечают ресурсы, связанные с действиями других и помощью извне ($\varphi=1,71$ при $p\leq 0,05$). На наш взгляд, такая специфика может объясняться разными содержательными акцентами женской и мужской социализации и, прежде всего, в плане автономии и самодостаточности, которые являются важными маркерами мужской социализации.

Далее обратимся к результатам анализа эмоциональной стороны детских историй о коронавирусе и обсудим представленные в них переживания, численное соотношение которых обозначено в таблице 5.

Таблица 5 – Гендерная специфика эмоционального фона восприятия пандемии коронавируса и самоизоляции

Эмоции	Кол. / %		критерий Фишера
	девочки	мальчики	
страх	47 / 41,6	25 / 29,8	1,71 (p≤0,05)
злость	17 / 15,0	19 / 22,6	1,36
грусть / печаль	21 / 18,6	8 / 9,5	1,84 (p≤0,05)
обида	5 / 4,4	6 / 7,1	0,81
скука	6 / 5,3	11 / 13,1	1,91 (p≤0,05)
радость / счастье	16 / 14,2	12 / 14,3	0,02
удивление	1 / 0,9	3 / 3,6	1,33
итого	113	84	2,06 (p≤0,05)

Table 5 – Gender-specific emotional background of perception of the coronavirus pandemic and self-isolation

Emotions	Quantity / %		Fischer's criterion
	girls	boys	
fear	47 / 41,6	25 / 29,8	1,71 (p≤0,05)
anger	17 / 15,0	19 / 22,6	1,36
sadness / sadness	21 / 18,6	8 / 9,5	1,84 (p≤0,05)
resentment	5 / 4,4	6 / 7,1	0,81
boredom	6 / 5,3	11 / 13,1	1,91 (p≤0,05)
joy / happiness	16 / 14,2	12 / 14,3	0,02
surprise	1 / 0,9	3 / 3,6	1,33
total	113	84	2,06 (p≤0,05)

Прежде всего, необходимо отметить, что сравнение общего количества упоминаний детей о чувствах показало наличие статистически значимых гендерных различий в пользу девочек ($\varphi=2,06$ при $p\leq 0,05$), что само по себе уже о многом говорит, поскольку данная категория оказалась единственной, численные показатели которой имели столь высокую степень расхождения у респондентов разного пола. Другими словами, в отличие от историй, сочиненных мальчиками, содержание историй, сочиненных девочками, было гораздо более эмоционально насыщенным.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что однозначно преобладающей эмоцией восприятия детьми пандемии коронавируса является страх, который составил 41,6% от общего числа всех упоминаний об эмоциях девочками и 29,8% – мальчиками. Именно чувство страха, согласно мнению детей, чаще всего вызывал главный герой их историй – коронавирус: «Жил-был коронавирус, его все боялись» (дев.); «Он пришел из леса страшный. Очень страшный, и никто из-за него не хочет выходить из дома. Все боятся» (мал.); «В один ужасный день, дети не пошли в школу, а родители на работу, потому что на планете появился коронавирус... Здесь ему были не рады, и его все испугались и стали прятаться по домам» (дев.) и др. Подчеркнем, что в этом плане версии детей во многом перекликались с версией профессиональных психологов – участников исследования, выполненного в разгар эпидемии московскими учеными [19]. Однако помимо страха ситуация пандемии и самоизоляции, согласно мнению детей, порождает также злость,

которая характерная не только для самого коронавируса, но и для других героев сказочных историй как ответ на возникшие трудности и ограничения: «Этот злой и вредный коронавирус злился на людей и вредил им» (дев.); «Все стали ходить злыми и угрюмыми» (мал.). При этом, если упоминания о злости хотя и преобладали у мальчиков, но тем не менее не достигали уровня статистически значимых различий, то чувство страха однозначно было более выражено в историях, сочиненных девочками, которые сообщали о нем более откровенно ($\varphi=1,71$ при $p\leq 0,05$).

Кроме того, девочки также гораздо чаще, чем мальчики, упоминали о грусти ($\varphi=1,84$ при $p\leq 0,05$), а мальчики в отличие от девочек – о скуке ($\varphi=1,91$ при $p\leq 0,05$), которые в одних случаях, по их мнению, вызывала ситуация самоизоляции и фрустрации основных потребностей, а в других – приписывались самому источнику бед и несчастий – коронавирусу как следствие его одиночества и статуса изгоя. Кстати, в последнем случае, помимо грусти и скуки, у коронавируса-изгоя отмечалось и такое чувство, как обида: «Все детки по садику очень скучают. Даже мультики не радуют» (дев.); «В квартире сидеть было грустно, особенно гулять на балконе» (мал.); «Очень скучал коронавирус без друзей» (мал.); «Над коронавирусом все смеялись, и ему было очень плохо от этого. Он очень обиделся и решил заразить всех своей болезнью» (дев.); «С ним никто не хотел дружить. И тогда ему стало очень грустно» (дев.) и др.

Однако наряду с негативными переживаниями в некоторых историях девочек и мальчиков встречались упоминания о позитивном чувстве радости, которое, как правило, имело отношение либо к жизни до пандемии коронавирусной инфекции, либо к ее окончанию, но вместе с тем иногда и к самой ситуации пандемии и самоизоляции, что объяснялось детьми наличием возможности не ходить в школу и не встречаться с учителями, а проводить время дома, за фильмами и компьютерными играми. Не исключено, что указанные аргументы могут являться маркером психологически неблагоприятной социальной ситуации развития детей, переживающих радость в ситуации социальных ограничений и отсутствия активной учебной деятельности в условиях школы. Подчеркнем, что в целом такого рода объяснения были обнаружены в текстах пяти историй, тогда как в остальных случаях радость ассоциировалась у детей с отсутствием коронавируса и привычным образом жизни, в том числе возможностью ходить в школу и детский сад.

Еще одной категорией анализа стал представленный в текстах сказочных историй характер ключевых событий, изучение которых мы дополнили категорией «пол персонажей» (таблица 6).

Таблица 6 – Гендерная специфика выделяемых детьми ключевых событий ситуации пандемии и самоизоляции и половая принадлежность персонажей историй девочек и мальчиков

События	Кол. / %		критерий Фишера
	девочки	мальчики	
болезнь / смерть	14 / 15,1	17 / 17,7	0,48
опасность	22 / 23,7	21 / 21,9	0,30
ожидание	7 / 7,5	1 / 1,0	2,44 (p≤0,01)
спасение	13 / 14,0	10 / 10,4	0,76
активное сопротивление	14 / 15,1	21 / 21,9	1,21
единение и дружба	9 / 9,6	7 / 7,3	0,57
наказание	4 / 4,3	9 / 9,4	1,41

труд врачей	9 / 9,6	4 / 4,2	1,49
катастрофа	1 / 1,1	6 / 6,2	2,01 (p≤0,05)
итого	93	96	0,22
персонажи своего пола	122 / 52,8	191 / 78,3	5,94 (p≤0,01)
персонажи другого пола	109 / 47,2	53 / 21,7	
критерий Фишера	0,85	7,70 (p≤0,01)	
всего	231	244	0,61

Table 6 – Gender specifics of the key events of the pandemic situation and self-isolation identified by children and the gender of the characters in the stories of girls and boys

Events	Quantity / %		Fischer's criterion
	girls	boys	
illness / death	14 / 15,1	17 / 17,7	0,48
danger	22 / 23,7	21 / 21,9	0,30
expectation	7 / 7,5	1 / 1,0	2,44 (p≤0,01)
salvation	13 / 14,0	10 / 10,4	0,76
active resistance	14 / 15,1	21 / 21,9	1,21
unity and friendship	9 / 9,6	7 / 7,3	0,57
punishment	4 / 4,3	9 / 9,4	1,41
doctors ' work	9 / 9,6	4 / 4,2	1,49
disaster	1 / 1,1	6 / 6,2	2,01 (p≤0,05)
total	93	96	0,22
characters of their own gender	122 / 52,8	191 / 78,3	5,94 (p≤0,01)
characters of the other sex	109 / 47,2	53 / 21,7	
Fischer's criterion	0,85	7,70 (p≤0,01)	
in total	231	244	0,61

Сравнивая ключевые события ситуации пандемии коронавирусной инфекции и самоизоляции, выделяемые девочками и мальчиками, можно отметить, что по многим параметрам они являются в целом достаточно схожими. Так, большинство историй девочек повествовали преимущественно об опасностях (23,7%) и несколько реже – о болезнях, активном сопротивлении злу и опасностям (по 15,1%), а также о спасении от коронавируса и связанных с ним бед и несчастий (14%). Точно так же в историях мальчиков особый акцент, в первую очередь, делался на опасностях и активном сопротивлении им (по 21,9%) и несколько реже – на болезнях (17,7%). При этом в ряде историй помимо болезни звучали упоминания и о смерти (всего 10 случаев, 6 из которых описали девочки и 4 – мальчики), но их общее количество составило всего 5,3% от общего числа всех представленных в детских историях событий.

«Некоторые люди были очень слабыми и стали умирать от этого вируса. Особенно дедушки и бабушки» (дев.); «По всей земле стали болеть люди. Им нужно было пить лекарства, чтобы поскорее выздороветь и победить коронавирус» (мал.); «Коронавирус захотел всех погубить. Но люди решили – не бывать этому. Они стали тщательно мыть

руки, протирать в квартире пыль, надевать маски, ходить в перчатках» (дев.); «Стали все люди правильно мыть руки, хорошо питаться, спортом заниматься. Испугался коронавирус и убежал из нашей страны» (мал.).

Иными словами, согласно полученным результатам, контексты восприятия ситуации пандемии и самоизоляции у девочек и мальчиков в большинстве своем оказались практически аналогичными, центрированными на опасностях, в том числе болезни, и способах их преодоления посредством активного отпора исходящей от коронавируса угрозе.

Любопытно, что статистически значимые гендерные различия наблюдались только по двум группам событий, среди которых – тема ожидания, к которой чаще обращались девочки ($\varphi=2,44$ при $p \leq 0,01$), и тема катастрофы, которая чаще встречалась в историях мальчиков ($\varphi=2,01$ при $p \leq 0,05$) и по своему содержанию очень напоминала сюжеты медийных блокбастеров.

Однако вместе с тем, как можно видеть из таблицы 6, в плане гендерной специфики намечаются и еще несколько тенденций. Одна из них касается темы героизма и самоотверженного труда врачей, к которой почти в два раза чаще обращались девочки: *«Врачам было очень тяжело, они работали каждый день. Больных было много. А лекарства сначала не было. Но врачи не сдавались. Они не спали и не отдыхали много дней, искали, как можно выгнать коварный вирус» (дев.); «И врачи-герои, проработав много дней, смогли найти лекарство. Они дали его всем больным, и все вылечились. И все очень радовались и очень благодарили врачей» (дев.).*

Вторая тенденция имеет отношение к теме пандемии как наказания за неправильное поведение и нездоровый образ жизни – лень, ссоры, неумение дружить и помогать друг другу, загрязнение планеты и вредные привычки, о чем более чем в два раза чаще рассказывали мальчики: *«Жили люди на планете Земля счастливо, но однажды они засорили природу, и появился Коронавирус. Сначала люди не обращали на него внимания и продолжали бросать мусор, не соблюдали правила и часто ругались между собой. И, вот, он решил отомстить людям за то, что они портят Землю, делают ей больно, ссорятся, не моют руки, не закаляют, за их вредные привычки» (мал.).* Отметим, что подобного рода размышления свидетельствуют о понимании детьми важности реальных позитивных изменений в отношениях и поведении людей для улучшения их жизнедеятельности.

Наконец, еще одна, третья тенденция намечающихся гендерных различий прослеживается применительно к теме активного сопротивления, на котором несколько чаще делали акцент в своих историях мальчики.

Кроме того, как уже подчеркивалось выше, помимо основных событий нас также особо интересовал пол персонажей историй, сочиненных девочками и мальчиками.

Необходимо сказать, что всего таких персонажей было насчитано 475, из них 231 – из сказок, сочиненных девочками, и 244 – герои историй, сочиненных мальчиками. Как можно видеть, по общей численности персонажей различий мы не обнаружили. Однако, что касается соотношения персонажей своего и другого пола, то в этом плане была выявлена весьма любопытная закономерность, а именно: четко выраженная центрированность историй мальчиков на лицах своего пола.

Так, согласно результатам исследования, герои мужского пола встречаются в историях мальчиков почти в четыре раза чаще, нежели героини женского пола – различия статистически значимы ($\varphi=7,70$ при $p \leq 0,01$). Для сравнения в историях девочек лица женского пола хотя и составляют больше половины всех действующих персонажей, но их

численность не является однозначно преобладающей над количеством персонажей мужского пола. Подтверждением данной закономерности, в частности, стало наличие статистически значимых гендерных различий в плане соотношения персонажей своего и другого пола в пользу лиц своего пола у мальчиков и лиц другого пола у девочек ($\varphi=5,94$ при $p \leq 0,01$). Полагаем, что выявленную закономерность можно рассматривать как следствие гендерной сегрегации [15] и как одно из проявлений мужской гомосоциальности, т.е. социальной ориентированности на лиц своего пола, которую гендерные исследователи определяют в качестве важной составляющей традиционного варианта мужской социализации и мужской идентичности [8; 12 и др.].

Другими словами, в подавляющем большинстве детских историй о коронавирусе действующими персонажами являются преимущественно лица мужского пола (реальные и фантастические), при этом их доминирование стало возможным в основном за счет историй, сочиненных мальчиками.

Однако в то же время относительно пола персонажей была выявлена и еще одна любопытная деталь. Она касается той половой принадлежности, которую дети приписывали антропоморфному образу коронавируса. А именно: в этом случае дети представляли коронавирус за редким исключением в образе персонажа другого пола: *«Жил-был вирус. Он был мальчик»* (дев.); *«Коронавирус – это страшная микробная ведьма. С короной, конечно. И красивая внешне, но страшная на самом деле»* (мал.); *«Черный мужчина, с красными глазами, а по нему большие черные шты! А еще на нем была красная корона в черных блестках»* (дев.); *«А коронавирусом была заколдованная девочка, непонятно зачем»* (мал.); *«Коронавирус – это девочка, похожая на фонтан. У нее фиолетово-розовые волосы ... Она красивая, но пришла пугать людей»* (дев.).

Таким образом, резюмируя изложенное выше, мы можем утверждать наличие у большинства детей предрасположенности в пользу лиц своего пола, что наиболее ярко прослеживается у мальчиков.

Обсуждение и заключения

Итак, полученные в данном исследовании результаты позволяют сделать вывод о том, что сформулированные нами гипотезы нашли свое подтверждение.

С одной стороны, тексты детских историй служат иллюстрацией общих для девочек и мальчиков тенденций восприятия ситуации пандемии коронавирусной инфекции и самоизоляции, тогда как с другой – они отражают некоторую гендерную специфику содержания детских представлений, обусловленную дифференцированной по признаку пола первичной социализацией.

В частности, среди общих моментов были констатированы следующие: значительное преобладание в образе коронавируса негативных характеристик, среди которых лидирующие позиции отводились признакам опасности, угрозы для жизни и здоровья, враждебности, коварству и др.; ярко выраженный, переживаемый детьми дискомфорт, вызванный фрустрацией потребностей в безопасности, свободе, положительных эмоциях и социальных контактах; особый акцент на таких ресурсах преодоления трудностей, как соблюдение правил гигиены и мер профилактики, медицинская помощь, ограничение контактов и разные виды активности и несколько реже – взаимопомощь и поддержка людьми друг друга; центрированность общего контекста представлений о ситуации пандемии и самоизоляции

в основном на опасных событиях, тематике болезни и противодействиях угрозе; доминирование тревожного эмоционального фона восприятия с преобладанием эмоции страха.

Однако наряду с общими содержательными аспектами в исследовании были обнаружены и некоторые гендерные различия в предлагаемых детьми версиях представлений о пандемии COVID-19 и самоизоляции, обусловленные спецификой женской и мужской первичной социализации.

Так, содержательный анализ историй девочек убедил нас, прежде всего, в наличии у них гораздо более эмоционально насыщенного фона восприятия событий пандемии, что находит отражение как при характеристике самого главного героя – коронавируса, так и в общей эмоциональности текстов историй, включая особо выраженное у многих девочек сочувствие врачам, в связи с их усталостью и тяжелыми условиями труда по спасению заболевших. Кроме того, в отличие от своих сверстников мужского пола девочки делают особый акцент на тематике ожидания спасения, внешних ресурсах преодоления трудностей, т.е. действиях и помощи со стороны других, среди которых достаточно часто подчеркивают роль врачей, их спасительную миссию.

В свою очередь, согласно точке зрения мальчиков, важным ресурсом сопротивления угрозе и злу являются преимущественно собственные действия и усилия в решении проблемы, при этом они демонстрируют также гораздо большую по сравнению со своими сверстницами центрированность на активном сопротивлении и ярко выраженную ориентацию на лиц своего пола, проявляя тем самым свою самодостаточность и гомосоциальность. В то же время в качестве нереализованных в условиях пандемии и самоизоляции потребностей мальчики, как правило, обозначают свободу и двигательную активность, ограничение которых вызывает негативные переживания.

Таким образом, несколько различный нормативный контекст социализации девочек и мальчиков задает им частично разные ориентиры, которые находят отражение в их представлениях о центральном событии 2020 года – пандемии COVID-19, а также месте и роли в этом событии других и самих себя.

Конечно, мы не можем знать наверняка, насколько серьезный след пандемия COVID-19 и вызванная ей самоизоляция оставят в психике детей, переживших ее в минувшем году, и о чем именно спустя время будут вспоминать уже повзрослевшие девочки и мальчики. Но хочется надеяться, что, как и в подавляющем большинстве сочиненных ими историй, итог будет позитивный и пережитый детьми опыт не станет травматичным, а изучение возможных психологических последствий, равно как и самих воспоминаний о пандемии COVID-19, может стать одним из актуальных и перспективных направлений будущих исследований.

Список использованных источников

1. Алёхин А.Н., Дубинина Е.А. Пандемия: клинико-психологический аспект // Артериальная гипертензия. 2020. №26(3). С. 312-316. DOI: 10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316.
2. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5, №2(18). С. 291-308.

3. Гаязова Л.А., Вихристюк О.В. Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность: сборник материалов. Том 1 / составители: В.В. Рубцов, А.А. Шведовская; ред.: В.В. Рубцов, А.А. Марголис, И.В. Вачков, О.В. Вихристюк, Н.В. Дворянчиков, Т.В. Ермолова, Ю.М. Забродин, Н.Н. Толстых, А.В. Хаустов, А.Б. Холмогорова, А.А. Шведовская. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 403-419.
4. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25, №6. С. 31-40. DOI: 10.17759/pse.2020250603.
5. Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В. и др. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9, №2. С. 99-118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205.
6. Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12, №2. С. 108-126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207.
7. Ермолова Т.В., Литвинов А.В., Савицкая Н.В., Круковская О.А. Covid-19 и психическое здоровье учащихся: зарубежные исследования // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10, №1. С. 79-91. DOI: 10.17759/jmfp.2021100108.
8. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
9. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Исследования психического состояния людей в условиях пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10, №1. С. 48-56. DOI: 10.17759/jmfp.2021100105.
10. Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5, №2(18). С. 47-83. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002.
11. Островский Д.И., Иванова Т.И. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. №2-1S(24). С. 4-10. DOI: 10.24411/2412-8805-2020-10201.
12. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. М.: Боргес, 2011. 172 с.
13. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28, №2. С. 90-108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205.
14. Семенова Л.Э. Становление ребенка как гендерного субъекта в процессе личностного развития в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте в условиях онто- и дизонтогенеза: дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2010. 521 с.
15. Семенова Л.Э., Сачкова М.Е., Чевачина А.Е. Гендерные особенности проявления эгоцентризма в процессе межличностных отношений старших дошкольников // Вестник Мининского университета. 2016. №2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/220> (дата обращения: 17.04.2021).
16. Семенова Л.Э., Семенова В.Э. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 и самоизоляция в восприятии детей старшего дошкольного и младшего школьного

- возраста // Системная психология и социология. 2020. №3(35). С. 85-101. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.7.
17. Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2020. №2. С. 87-94. DOI: 10.31363/2313-7053-2020-2-87-94.
  18. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
  19. Ушаков Д.В., Юревич А.В., Юревич М.А. Экспертный опрос о психологическом контексте коронавирусной эпидемии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5, №2(18). С. 115-153. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.004.
  20. Федосенко Е.В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. №XXV. С. 34-47.
  21. Шурухина Т.Н., Довгаль Г.В., Глухих Е.В., Ключников Д.А. Анализ первых результатов перехода российского образования на дистанционные форматы в период мировой пандемии COVID-19 // Современные проблемы науки и образования. 2020. №6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=30265> (дата обращения: 24.03.2021).
  22. Ahorsu D.K., Lin Ch.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D., Pakpour A.H. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00270-8>.
  23. Bish A., Michie S. Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: A review // British Journal of Health Psychology. 2010. Vol. 15. Pp. 797-824.
  24. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. Pp. 912-920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.
  25. Caleo G., Duncombe J., Jephcott F. et al. The factors affecting household transmission dynamics and community compliance with Ebola control measures: a mixed-methods study in a rural village in Sierra Leone. BMC Public Health, 2018. 232 p.
  26. Cullen W., Gulati G., Kelly B.D. Mental health in the COVID-19 pandemic // QJM: An International Journal of Medicine. 2020. Vol. 113, no. 5. Pp. 311-312.
  27. Desclaux A., Badji D., Ndione A.G. Accepted monitoring or endured quarantine? Ebola contacts' perceptions in Senegal // Social Science & Medicine. 2017. Vol. 178. Pp. 38-45.
  28. Drouin M. et al. How Parents and Their Children Used Social Media and Technology at the Beginning of the COVID-19 Pandemic and Associations with Anxiety // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2020. Vol. 23, no. 11. DOI: 10.1089/cyber.2020.0284.
  29. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // Health Psychology. 2020. Vol. 39(5). Pp. 355-357. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000875>.
  30. Jakovljevic M., Bjedov S., Jaksic N. COVID-19 pandemia and public and global mental health from the perspective of global health security // Psychiatria Danubina. 2020. Vol. 32(1). Pp. 6-14. DOI: 10.24869/psyd.2020.6.
  31. Kontoangelos K., Economou M., Papageorgiou Ch. Mental Health Effects of COVID-19 Pandemia: A Review of Clinical and Psychological Traits // Psychiatry Investigation. 2020. Vol. 17, no. 6. Pp. 491-505. DOI: 10.30773/pi.2020.0161.

32. Lima C.K.T., Carvalho P.M.M., Lima I.A.A.S., Nunes J.V.A.O., Saraiva J.S., de Souza R.I., da Silva C.G.L., Neto M.L.R. The emotional impact of Coronavirus 2019-nCoV (new coronavirus disease) // *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 287. Article number: 112915. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.112915.
33. Matias T., Dominski F.H., Marks D.F. Human needs in COVID-19 isolation // *Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25(7). Pp. 871-882. DOI: 10.1177/1359105320925149.
34. Pellecchia U., Crestani R., Decroo T. Social consequences of Ebola containment measures in Liberia // *PLoS One*. 2015. Vol. 10(12). Article number: e0143036. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143036>.
35. Samantha K., Webster R., Smith L., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *Lancet*. 2020. Vol. 395. Pp. 912-920.
36. Silver R.C. Surviving the trauma of COVID-19 // *Science*. 2020. Vol. 369, no. 6499. P. 11. DOI: 10.1126/science.abd5396.
37. Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., Ho R.C. Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17(5). Article number: 1729. DOI: 10.3390/ijerph17051729.
38. Wang Y., Xu B., Zhao G. Is quarantine related to immediate negative psychological consequences during the 2009 H1N1 epidemic? // *General Hospital Psychiatry*. 2011. Vol. 33, no. 1. Pp. 75-77.

References

1. Alyohin A.N., Dubinina E.A. Pandemic: clinical and psychological aspect. *Arterial'naya gipertenziya*, 2020, no. 26(3), pp. 312-316, doi: 10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316. (In Russ.)
2. Byhovec YU.V., Kogan-Lerner L.B. Pandemic COVID-19 as a multifactorial traumatic situation. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, 2020, vol. 5, no. 2(18), pp. 291-308. (In Russ.)
3. Gayazova L.A., Vihristyuk O.V. Features of requests for remote psychological assistance during self-isolation (COVID-19). *Vyzovy pandemii COVID-19: psihicheskoe zdorov'e, distancionnoe obrazovanie, internet-bezopasnost': sbornik materialov. Tom 1 / sostaviteli: V.V. Rubcov, A.A. SHvedovskaya; red.: V.V. Rubcov, A.A. Margolis, I.V. Vachkov, O.V. Vihristyuk, N.V. Dvoryanchikov, T.V. Ermolova, YU.M. Zabrodin, N.N. Tolstyh, A.V. Haustov, A.B. Holmogorova, A.A. SHvedovskaya*. Moscow, FGBOU VO MGPPU Publ., 2020. Pp. 403-419. (In Russ.)
4. Gerasimova A.A., Holmogorova A.B. Coping strategies, psychological well-being and problematic use of the Internet during a pandemic. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2020, vol. 25, no. 6, pp. 31-40, doi: 10.17759/pse.2020250603. (In Russ.)
5. Gricenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V. i dr. Fear of coronavirus disease (COVID-19) and basic beliefs of the personality. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 99-118, doi: 10.17759/cpse.2020090205. (In Russ.)
6. Enikolopov S.N., Bojko O.M., Medvedeva T.I., Voroncova O.YU., Kaz'mina O.YU. Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic. *Psihologo-*

- pedagogicheskie issledovaniya*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 108-126, doi: 10.17759/psyedu.2020120207. (In Russ.)
7. Ermolova T.V., Litvinov A.V., Savickaya N.V., Krukovskaya O.A. Covid-19 and students' mental health: foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 79-91, doi: 10.17759/jmfp.2021100108. (In Russ.)
  8. Kon I.S. A man in a changing world. Moscow, Vremya Publ., 2009. 496 p. (In Russ.)
  9. Kochetova YU.A., Klimakova M.V. Studies of the mental state of people in the context of the COVID-19 pandemic. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 48-56, doi: 10.17759/jmfp.2021100105. (In Russ.)
  10. Nestik T.A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: a socio-psychological analysis. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, 2020, vol. 5, no. 2(18), pp. 47-83, doi: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002. (In Russ.)
  11. Ostrovskij D.I., Ivanova T.I. The impact of the new coronavirus infection COVID-19 on human mental health (Literature review). *Omskij psihiatricheskij zhurnal*, 2020, no. 2-1S(24), pp. 4-10, doi: 10.24411/2412-8805-2020-10201. (In Russ.)
  12. Radina N.K., Nikitina A.A. The Social Psychology of Masculinity: A Socio-Constructivist Approach. Moscow, Borges Publ., 2011. 172 p. (In Russ.)
  13. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 90-108, doi: 10.17759/cpp.2020280205. (In Russ.)
  14. Semenova L.E. Formation of a child as a gender subject in the process of personal development in senior preschool and primary school age in conditions of ontogenesis and dysontogenesis: the dissertation of the doctor of psychological sciences. Nizhny Novgorod, 2010. 521 p. (In Russ.)
  15. Semenova L.E., Sachkova M.E., CHEvachina A.E. Gender characteristics of the manifestation of egocentrism in the process of interpersonal relations of older preschoolers. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2016, no. 2. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/220> (accessed: 17.04.2021). (In Russ.)
  16. Semenova L.E., Semenova V.E. Pandemic of coronavirus infection COVID-19 and self-isolation in the perception of children of senior preschool and primary school age. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 2020, no. 3(35), pp. 85-101, doi: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.7. (In Russ.)
  17. Sorokin M.YU., Kas'yanov E.D., Rukavishnikov G.V., Makarevich O.V., Neznanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic. *Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii*, 2020, no. 2, pp. 87-94, doi: 10.31363/2313-7053-2020-2-87-94. (In Russ.)
  18. Strauss A., Korbin Dzh. Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)
  19. Ushakov D.V., YUrevich A.V., YUrevich M.A. Expert survey on the psychological context of the coronavirus epidemic. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, 2020, vol. 5, no. 2(18), pp. 115-153, doi:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.004. (In Russ.)
  20. Fedosenko E.V. Life after quarantine: the psychology of meanings and the coronavirus COVID-19. *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme*, 2020, no. XXV, pp. 34-47. (In Russ.)

21. SHuruhina T.N., Dovgal' G.V., Gluhih E.V., Klyuchnikov D.A. Analysis of the first results of the transition of Russian education to distance learning formats during the COVID-19 global pandemic. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2020, no. 6. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=30265> (accessed: 24.03.2021). (In Russ.)
22. Ahorsu D.K., Lin Ch.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D., Pakpour A.H. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020, doi: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00270-8>.
23. Bish A., Michie S. Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: A review. *British Journal of Health Psychology*, 2010, vol. 15, pp. 797-824.
24. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, vol. 395, pp. 912-920, doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.
25. Caleo G., Duncombe J., Jephcott F. et al. The factors affecting household transmission dynamics and community compliance with Ebola control measures: a mixed-methods study in a rural village in Sierra Leone. *BMC Public Health*, 2018. 232 p.
26. Cullen W., Gulati G., Kelly B.D. Mental health in the COVID-19 pandemic. *QJM: An International Journal of Medicine*, 2020, vol. 113, no. 5, pp. 311-312.
27. Desclaux A., Badji D., Ndione A.G. Accepted monitoring or endured quarantine? Ebola contacts' perceptions in Senegal. *Social Science & Medicine*, 2017, vol. 178, pp. 38-45.
28. Drouin M. et al. How Parents and Their Children Used Social Media and Technology at the Beginning of the COVID-19 Pandemic and Associations with Anxiety. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2020, vol. 23, no. 11, doi: 10.1089/cyber.2020.0284.
29. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychology*, 2020, vol. 39(5), pp. 355-357, doi: <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000875>.
30. Jakovljevic M., Bjedov S., Jaksic N. COVID-19 pandemia and public and global mental health from the perspective of global health security. *Psychiatria Danubina*, 2020, vol. 32(1), pp. 6-14, doi: 10.24869/psyd.2020.6.
31. Kontoangelos K., Economou M., Papageorgiou Ch. Mental Health Effects of COVID-19 Pandemia: A Review of Clinical and Psychological Traits. *Psychiatry Investigation*, 2020, vol. 17, no. 6, pp. 491-505, doi: 10.30773/pi.2020.0161.
32. Lima C.K.T., Carvalho P.M.M., Lima I.A.A.S., Nunes J.V.A.O., Saraiva J.S., de Souza R.I., da Silva C.G.L., Neto M.L.R. The emotional impact of Coronavirus 2019-nCoV (new coronavirus disease). *Psychiatry Research*, 2020, vol. 287, article number: 112915, doi: 10.1016/j.psychres.2020.112915.
33. Matias T., Dominski F.H., Marks D.F. Human needs in COVID-19 isolation. *Journal of Health Psychology*, 2020, vol. 25(7), pp. 871-882, doi: 10.1177/1359105320925149.
34. Pellecchia U., Crestani R., Decroo T. Social consequences of Ebola containment measures in Liberia. *PLoS One*, 2015, vol. 10(12), article number: e0143036, doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143036>.
35. Samantha K., Webster R., Smith L., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, vol. 395, pp. 912-920.
36. Silver R.C. Surviving the trauma of COVID-19. *Science*, 2020, vol. 369, no. 6499, p. 11, doi: 10.1126/science.abd5396.

37. Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., Ho R.C. Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17(5), article number: 1729, doi: 10.3390/ijerph17051729.
38. Wang Y., Xu B., Zhao G. Is quarantine related to immediate negative psychological consequences during the 2009 H1N1 epidemic? *General Hospital Psychiatry*, 2011, vol. 33, no. 1, pp. 75-77.

© Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Конева И.А., Карпушкина Н.В., 2021.

Информация об авторах

Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и клинической психологии, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, e-mail: verunechka08@list.ru.

Семенова Вера Эдуардовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры дошкольного образования, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5841-5354, email: verunechka08@list.ru.

Конева Ирина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3395-9851, Researcher ID: J-7619-2017, e-mail: konvia@mail.ru.

Карпушкина Наталья Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-0279-381X, Researcher ID: J-7028-2017, e-mail: karpushkina.nv@gmail.com.

Information about the authors

Semenova Lidiya E. – Doctor of psychology, Assistant Professor, Professor of Department of General and Clinical Psychology, Privolzhsky Research Medical University, Ministry of health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, e-mail: verunechka08@list.ru.

Semenova Vera E. – Candidate of philosophy, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of Preschool Education, Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5841-5354, e-mail: verunechka08@list.ru.

Koneva Irina A. – Candidate of psychology, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of Special Pedagogy and Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3395-9851, Researcher ID: J-7619-2017, e-mail: konvia@mail.ru.

Karpushkina Natalya V. – Candidate of psychology, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of Special Pedagogy and Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0279-381X, Researcher ID: J-7028-2017, e-mail: karpushkina.nv@gmail.com.

Вклад соавторов

Семенова Лидия Эдуардовна – идея и дизайн исследования; обзор литературы; разработка программы исследования, выбор методики; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Семенова Вера Эдуардовна – обзор литературы; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Конева Ирина Алексеевна – сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Карпушкина Наталья Викторовна – сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Contribution of authors

Semenova Lidiya E. – the idea and design of the study; review of the literature; development of the research program, choice of methodology; collection, analysis and interpretation of the obtained data, formulation of generalizing conclusions.

Semenova Vera E. – literature review; collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Koneva Irina A. – collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Karpushkina Natalya V. – collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Поступила в редакцию: 07.05.2021

Принята к публикации: 15.09.2021

Опубликована: 12.11.2021